

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА

Лидия Евгеньевна ФЕТИСОВА,
кандидат филологических наук

В системе Дальневосточного отделения РАН Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока является единственным сугубо гуманитарным учреждением, аккумулирующим прежде всего изучение базовых исторических дисциплин. Вместе с тем на протяжении всего периода его существования неоднократно предпринимались попытки создать структурную единицу, в которой получила бы развитие филологическая составляющая гуманитарного знания. О возможности объединения смежных дисциплин историко-филологического профиля для решения общих задач свидетельствует не только опыт советского времени, когда открывались комплексные НИИ (например, Институт истории, филологии и философии СО АН СССР), во многих вузах создавались историко-филологические факультеты, но также реалии наших дней: современная структура РАН объединяет исторические и филологические науки под контролем одного комитета.

В Институте истории (первоначально Отделе истории ДВ филиала СО АН СССР) начало филологических исследований было связано с приглашением на работу в 1953 г. североведов-маньчжуров Ю.А. Сема и Л.И. Сем, выпускников Ленинградского университета. В тот период изучение этнической истории, языков и культур малочисленных народов СССР рассматривалось как важнейшее направление советской национальной политики, которому придавалось не только внутригосударственное, но и внешнеполитическое значение.

Центр истории культуры. Сидит Л.Е. Фетисова, стоят (слева направо) В. Королева, Г. Андриец, Э. Осипова. Фото 2006 г.

Отечественное североведение изначально зарождалось как комплексное: знание языка изучаемого этноса считалось обязательным. Неудивительно, что в Отделе истории этнографо-филологические исследования коренных народов Дальнего Востока сразу заняли одно из ведущих мест. Молодое подразделение не имело возможности охватить всю территорию региона, но в этом и не было особой необходимости, поскольку Крайний Северо-Восток в те годы входил в сферу интересов этнографов и филологов Москвы и Ленинграда. На первых порах Ю.А. и Л.И. Семы сосредоточили внимание на проблемах этногенеза и традиционной культуры нанайцев, самого многочисленного из тунгусо-маньчжурских народов южной части российского Дальнего Востока. Л.И. Сем вплотную занялась изучением бикинского (уссурийского) диалекта нанайского языка и по данной тематике опубликовала ряд статей, а затем и монографию (1976 г.). Этот труд является уникальным, так как исследуемая группа ныне практически ассимилирована удэгейцами, в окружении которых она проживает.

В 1971 г. с реорганизацией Отдела истории в комплексный НИИ в структуре института был создан сектор филологии под руководством Л.И. Сем. К тому времени удалось значительно расширить проблематику филологических исследований. Региональное североведение укрепилось благодаря приглашению на работу нивхинки Г.А. Отаиной, нанайца Н.Б. Киле, а затем специалистов по эвенкийскому языку А.М. Певнова и М.М. Хасановой, учеников известного маньчжуриста, члена-корреспондента АН СССР В.А. Аврорина.

Как самостоятельное направление получило развитие славяноведение. Было продолжено начатое в 1967 г. собрание и изучение фольклора восточнославянского населения Приамурья и Приморья (Е.С. Обшарина, Л.Е. Фетисова, Л.М. Свиридова). В секторе появились литературоведы — Д.А. Здор и А.И. Пономарева. В их задачу входило исследование русской литературы региона. Творчеством коренных народов занимался Б.М. Дулин — аспирант Л.И. Сем.

Надо признать, что первая половина 1970-х годов оказалась наиболее плодотворной для сектора филологии. Именно тогда были осуществлены комплексные экспедиционные исследования, которые легли в основу последующих языковедческих и фольклористических работ. Первыми увидели свет монографии Н.Б. Киле¹ и Л.И. Сем², занявшие заметное место в ряду лингвистических публикаций, посвященных тунгусо-маньчжурским языкам. Несколько позднее были изданы книги Г.А. Отаиной («Качественные глаголы в нивхском языке»)³ и М.М. Хасановой («Повелительное наклонение в эвенкийском языке»)⁴. О высоком уровне этих монографий свидетельствует, в частности, тот факт, что все они выходили в издательстве «Наука». Одновременно с исследовательской деятельностью в тот период велась работа по подготовке учебников на нанайском (Л.И. Сем, Е.А. Гаер, Н.Б. Киле) и нивхском (Г.А. Отаина) языках для национальных школ. Вышедшие в 1980-х годах книги неоднократно переиздавались и стали базовыми пособиями по изучению родных языков этих народов в младших классах.

Нельзя не отметить оригинальные исследования языка и письменности чжурчжэней, начатые в 1970-е годы Э.В. Шавкуновым⁵, специалистом в области археологии средневековых государств, имевшим востоковедческое образование. Работу в этом направле-

нии продолжил А.М. Певнов, завершив ее изданием крупной монографии⁶ и защитой докторской диссертации. Однако это было сделано уже в Санкт-Петербурге.

Во второй половине 1970-х годов, когда покинули Владивосток сначала Л.И. Сем, а затем и Ю.А. Сем, положение филологов резко ухудшилось — сектор был расформирован. Почувствовав невостребованность, ушли из Института истории литературоведы. На правах группы вернулись в сектор этнографии 4 человека — Н.Б. Киле, Г.А. Отаина, М.М. Хасанова, Л.Е. Фетисова. Изменение статуса подразделения привело к свертыванию собственно лингвистических изысканий, так как возникла необходимость соотносить свои научные интересы с этнографической проблематикой. В связи с этим филологи сосредоточили усилия на изучении традиционного фольклора дальневосточных народов.

Перемена стратегии была не случайной. Отчеты участников Дальневосточной этнографо-филологической экспедиции содержали достаточно большое число фольклорных текстов, которые ранее привлекались либо как материал для лингвистического анализа, либо как один из источников при трактовке этнографических реалий. Необходимо было ввести этот материал в научный оборот в качестве самостоятельной культурной ценности. В результате появилась серия статей, посвященных нанайскому, нивхскому, удэгейскому фольклору, а также устному творчеству дальневосточных славян — русских, украинцев, белорусов.

Работа в данном направлении представлялась тем более целесообразной, что по инициативе Ю.А. Сема уже с 1976 г. началась подготовка трудов о коренных народах региона. Научное издание фольклорных текстов на двух языках (родном того или иного народа и русском) виделось как достойное сопровождение историко-этнографической серии. Однако столь малыми силами подобную работу выполнить было невозможно. Но идея, что называется, «витала в воздухе». Публикация памятников фольклора народов Сибири и Дальнего Востока была начата филологами Сибирского отделения Академии наук. Привлекались к исследованию и ученые из Владивостока. Правда, прежде чем авторы увидели плоды своих трудов, прошло не одно десятилетие. Тем не менее можно с удовлетворением констатировать, что 3 книги фольклорной серии, изданной в Новосибирске, были подготовлены при непосредственном участии наших сотрудников. Это тома,

посвященные нанайской народной прозе (Н.Б. Киле, Л.Е. Фетисова)⁷, удэгейскому фольклору (М.М. Хасанова)⁸, русской семейно-обрядовой поэзии (Л.Е. Фетисова)⁹. К сожалению, оборвалась жизнь Г.А. Отаиной и остался незавершенным нивхский том. Ушел из жизни Н.Б. Киле, не успев подготовить собрание песенного фольклора нанайцев. Ныне живет в Санкт-Петербурге М.М. Хасанова, специалист по устному творчеству эвенков, негидальцев, удэгейцев.

В Институте истории в настоящее время сохранилось лишь восточнославянское направление региональной фольклористики. Выходом трех монографий завершились многолетние исследования Л.Е. Фетисовой. Первый этап был посвящен характеристике жанрового состава народного устно-поэтического творчества и выявлению закономерностей функционирования фольклорного наследия в отрыве от материнского фонда. Важно было показать роль различных жанров в формировании единого репертуара на новосельческой территории в ситуации перенасыщенности культурного пространства локальными традициями¹⁰. Оказалось, что из трех восточнославянских народов наибольшая сохранность архаических структур традиционного фольклора наблюдалась у белорусов¹¹. Таким образом, удалось показать, что обращение к фольклорному наследию позволяет устанавливать былую этническую принадлежность переселенцев в случаях изменения этнической самоидентификации. И, наконец, к традиционным принципам изучения фольклора добавилось осмысление культурного наследия с позиций его адаптационной роли в жизни мигрантов первого и последующих поколений¹². Как видим, перенесение акцентов в аксиологическую сферу усилило позиции филологических исследований с точки зрения их актуальности при решении проблем этнологии.

Изучение восточнославянского фольклора сегодня продолжено молодыми исследователями. Т.В. Краюшкина посвятила свою кандидатскую диссертацию проблеме отражения семейных отношений в русской волшебной сказке. На стыке фольклористики и этнологии ею подготовлен оригинальный текст, получивший высокую оценку специалистов¹³. Можно утверждать, что в Институте истории фольклористика развивается стабильно и достаточно динамично, чему в значительной степени способствует междисциплинарный подход к объекту изучения.

Сотрудниками института также неоднократно предпринимались попытки «узаконить» литературоведческое направление. Однако на этом пути имеются свои трудности, заключающиеся прежде всего в сложности и многосоставности самого явления. Во-первых, необходимо выделить в самостоятельный объект изучения памятники русской словесности. Во-вторых, в XX столетии на территории региона сложились достаточно оригинальные так называемые младописьменные литературы, представляющие один из «ликов» тихоокеанской России и входящие в культурное пространство АТР. И, в-третьих, имеются древние литературные традиции сопредельных стран — Китая, Японии, Кореи.

Начав с первой позиции, сразу обнаружим, что анализ творчества региональных авторов сугубо филологическими методами заставляет признать недостаточно высокий художественный уровень значительной части произведений. При таком подходе в списке литераторов может остаться лишь несколько имен (в частности, В. Арсеньев, А. Фадеев, Вс. Иванов), что и соответствует современной ситуации в области филологических наук. А между тем вполне достойны монографического описания и такие авторы, как Т. Борисов, И. Басаргин, А. Вахов, С. Балабин и др. По-видимому, необходимо изменить угол зрения и рассматривать региональную литературу и как художественное явление, и в плане ее значимости для культурного развития Дальнего Востока.

К такому пониманию литературного творчества XX в. вплотную подошел Л.Я. Иващенко. Если в монографии 1987 г. автор в духе времени анализировал не столько литературный процесс, сколько деятельность советского государства как «организатора многонационального литературного творчества на Дальнем Востоке»¹⁴, то к 1990 г. он поставил перед собой иную задачу: рассмотреть проблемы культурной жизни региона с 1917 до середины 1980-х годов на примере многонациональной литературы. Эта монография увидела свет уже после смерти автора¹⁵. Книга до сих пор остается наиболее полным и объективным осмыслением процессов, определявших развитие литературного творчества вдали от столицы.

Из многочисленных публикаций Л.Я. Иващенко необходимо особо отметить библиографический указатель художественной литературы о Дальнем Востоке (в 2-х книгах, общим объемом 58 п.л.)¹⁶. В 1991 г. указатель получил 3-ю премию на Всесоюзном

конкурсе на лучшую работу по актуальным проблемам библиотековедения и библиографоведения. Этот труд поможет любому, кто захочет получить представление о литературной жизни Дальнего Востока в советский период.

Новый этап в обращении к проблемам региональной литературы, начавшийся с 2000 г., ознаменовался комплексным подходом к изучению культуры Дальнего Востока России. Взгляд на художественное творчество в свете его историко-культурной значимости дает возможность ввести в научный оборот большое число памятников искусства слова, которые отражают дальневосточную тему. Среди них отчеты, заметки, воспоминания, относящиеся к начальному периоду заселения берегов Тихого океана русскими людьми. Элементы художественного стиля обнаруживаются даже в официальных документах и научной литературе XVII—XIX вв. Одним из первых привлек внимание к этим текстам профессор Дальневосточного государственного университета С.Ф. Крившенко. Во многом благодаря его усилиям русская документальная маринистика, посвященная дальневосточным страницам отечественной истории, признана достойным явлением литературной жизни¹⁷. Это направление получило дальнейшее развитие в институтском центре по исследованию истории культуры Дальнего Востока России¹⁸.

Как уже отмечалось ранее, литература азиатских стран также должна найти свое место в востоковедческих исследованиях Института истории. В данной сфере еще сравнительно недавно можно было говорить об определенных достижениях. Так, Л.В. Галкина осуществила исследование творчества корейского поэта Ким Джонсика-Соволя. Достаточно интересными представляются лингво-философские рассуждения Л.И. Головачевой относительно раннеконфуцианского памятника «Лунь юй». Заслуживает внимания авторская трактовка доктрины Конфуция, основанная на собственных переводах Л.И. Головачевой текстов китайского мыслителя¹⁹.

На протяжении длительного времени изучением «золотого фонда» литературы Северо-Восточного Китая успешно занималась Н.А. Лебедева. Ее кандидатская диссертация была посвящена творчеству Е Шэньгао. Затем исследовательница обратилась к литературному наследию Сяо Хун. Публикация монографии о жизни и творчестве этой талантливой китайской писательни-

цы, а также пяти ее рассказов в переводе Н.А. Лебедевой являются заметной вехой в региональном китаеведении²⁰.

Ныне ни один из только что названных авторов не работает в Институте истории. Это тем более печально, что и Н.А. Лебедева, и Л.И. Головачева умели совмещать индивидуальные научные интересы с генеральной линией исследований Отдела востоковедения. Более того, Н.А. Лебедева достаточно четко определила новое направление своих изысканий: от филологии — к страноведению и культурологии. В настоящее время наблюдается некоторое оживление интереса к проблемам китайской литературы: появилась статья молодого исследователя О.Н. Рябченко о литературе начального этапа периода реформ²¹. Возможно, это шаг к возрождению угасающей научной традиции.

Надежда на восстановление филологического подразделения появилась несколько лет назад, когда было принято решение Президиума ДВО РАН и Дальневосточного государственного университета о создании Института русского языка и литературы (ИРЯЛ) с двойным подчинением, что давало возможность расширить поле гуманитарных исследований в целом, а не только в области филологии. В архиве Института истории не востребованными хранятся полевые отчеты, содержащие результаты исследований говоров и диалектов нивхского языка (Г.А. Отаина), образных слов в тунгусо-маньчжурских языках (Н.Б. Киле), языков восточных эвенков и негидальцев (М.М. Хасанова, А.М. Певнов). Уникальность этих материалов заключается в том, что в настоящее время осуществить подобные записи практически невозможно, так как все меньше остается людей, владеющих языками коренных народов. Однако ввести в научный оборот эти материалы способны лишь должным образом подготовленные лингвисты.

В этом отношении сотрудничество со специалистами из ДВГУ могло бы принести обоюдную пользу. Тем более, что определенный опыт имеется. Так, рукописный фонд Отдела этнологии (картотека географических названий) привлекался доцентом ИРЯЛ О.Л. Рублевой при подготовке Словаря топонимов Приморского края (условное название «От Або до Ясной Поляны»). Неоценимую помощь ей оказало также обращение к Словарю китайских топонимов на территории российского Дальнего Востока, автор

которого Ф.В. Соловьев²² был основоположником китаеведения в нашем институте. Работа О.Л. Рублевой пока не получила завершения, но уже вышел в свет подготовленный ею свод названий топонимических объектов г. Владивостока²³. «Жанр» издания определен как лингво-страноведческий словарь, что указывает на осознанное стремление автора-языковеда осуществлять междисциплинарные исследования. Думается, разработку проблем ономастики можно было бы продолжить совместными усилиями не только филологов и этнографов (как это имело место ранее²⁴), но и востоковедов.

Программа, предложенная ИРЯЛ (документ от 08.10.02), несомненно, актуальна, особенно в части, которая посвящена почти не разработанным на региональном уровне проблемам диалектологии, специфики функционирования русского языка в условиях активных культурных контактов с сопредельными странами и т.д. Однако на данном этапе сложно (в том числе в силу финансовых трудностей) принять решение, которое устроило бы обе стороны, несмотря на выстраивающиеся перспективы взаимодействия академической науки и высшей школы. В результате возобновление серьезных филологических исследований в Институте истории вновь откладывается на неопределенное время.

¹ Киле Н.Б. Образные слова нанайского языка. Л.: Наука, 1973.

² Сем Л.И. Очерки диалектов нанайского языка: Бикинский (уссурийский) диалект. Л.: Наука, 1976.

³ Отаина Г.А. Качественные глаголы в нивхском языке. М.: Наука, 1978.

⁴ Хасанова М.М. Повелительное наклонение в эвенкийском языке. Л.: Наука, 1986.

⁵ Шавкунов Э.В. Опыт реконструкции древних этнонимов и иероглифической записи // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1976. С. 52—70.

⁶ Певнов А.М. Чтение чжурчжэньских писем. СПб.: Наука, 2004.

⁷ Нанайский фольклор: нингман, сioxор, тэлунгу. Новосибирск: Наука, 1996.

⁸ Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ. Новосибирск: Наука, 1998.

⁹ Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причетъ. Новосибирск: Наука, 2002.

¹⁰ Фетисова Л.Е. Дальневосточная частушка и некоторые проблемы истории и теории жанра. Владивосток, 1988 / Деп. в ИНИОН. № 306701; Фетисова Л.Е. Восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России: Сложение и развитие традиций. Владивосток: Дальнаука, 1994.

- 11 Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002.
- 12 Фетисова Л.Е., Ермак Г.Г., Сердюк М.Б. Традиционный восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.): адаптационный аспект. Владивосток: Дальнаука, 2004.
- 13 Краюшкина Т.В. Мир семейных отношений в русских народных волшебных сказках. Владивосток: Дальнаука, 2005.
- 14 Иващенко Л.Я. Советское государство — организатор многонационального литературного творчества на Дальнем Востоке в эпоху строительства социализма в СССР. 1917—1977 гг. Хабаровск, 1987.
- 15 Иващенко Л.Я. Исторические аспекты создания и развития многонациональной художественной литературы на Дальнем Востоке России. 1917 — середины 1980-х годов. Владивосток: Дальнаука, 1995.
- 16 Иващенко Л.Я. Художественная литература о Дальнем Востоке: Библиогр. указ. Владивосток. Кн. 1. 1990; Кн. 2. 1991.
- 17 Крившенко С.Ф. Плавать по морю необходимо. Русские мореплаватели в жизни и литературе: док.-ист. очерк. Владивосток, 2001.
- 18 Фетисова Л.Е. Историко-культурная значимость региональной литературы (Дальний Восток России. XIX век) // Культура тихоокеанского побережья: материалы III междунар. науч.-практ. конф. «Новое видение культуры мира в XXI веке». 30 сент. — 3 окт. 2005 г. Владивосток, 2005. С. 320—325.
- 19 Головачева Л.И. Беседы и суждения Конфуция // Рубеж. 1992. № 1 (863). С. 259—307; Она же. Некоторые соображения об архитектонике раннеконфуцианского памятника «Лунь юй» // Двадцать пятая науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. М., 1994. Ч. 1. С. 81—86 и др.
- 20 Лебедева Н.А. Сяо Хун: Жизнь, творчество, судьба. Владивосток: Дальнаука, 1998.
- 21 Рябченко О.Н. Литература КНР на начальном этапе периода реформ (конец 70-х — 80-е годы XX в.) // Культура тихоокеанского побережья. С. 363—367.
- 22 Соловьев Ф.В. Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока. Владивосток, 1975.
- 23 Рублева О.Л. Владивосток в названиях «от А до Я»: Топонимический лингво-страноведческий словарь. Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 2005.
- 24 Этнографам (Ю.А. Сем, В.В. Подмаскин, А.Ф. Старцев) уже приходилось участвовать в коллективных работах такого типа. См., напрмер: Филология народов Дальнего Востока (ономастика). Владивосток, 1977; Ономастика. Типология. Стратиграфия. М.: Наука, 1988.

SUMMARY: “Philological investigations at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences” is the title of the Candidate of Historical Sciences Lidiay E. Fetisova. The article shows the development of philology in the Far East in historical aspect. It tells about the role of researchers of the Institute in it.